

Ю.П. Черданцев

Семейная история о моей маме

Томск-2025

Мама с детскими игрушками в руках, Томск, 1931 год.

Приношу огромную благодарность техническому консультанту и корректору текста Н.В. Черданцевой, без которой работа не смогла бы состояться.

В книге представлена жизнь Людмилы Николаевны Черданцевой (1929-2018 гг.) по воспоминаниям её сына Юрия Петровича и записям, сделанным ею в семейных альбомах, которые она вела в течение всей своей жизни. Показана школьная жизнь Людмилы Николаевны в военное и послевоенное время, годы учёбы в Томском государственном университете, работа в Томском медицинском университете. Представлены снимки, сделанные её мужем Петром Алексеевичем в 40-60-е годы и фотографии Юрия Петровича, сделанные в начале XXI века. Кроме фотографий в книгу включены рисунки, которые делала Людмила Николаевна в молодости, рисунки и картины её мамы Варвары Николаевны, рисунки и акварели Юрия Петровича. Показана схема шести поколений семьи (генеалогическое древо) Черданцевых, Бетехтиных, Костеревых и их потомков. Настоящий материал будет интересен не только членам семьи Черданцевых, но и краоведам, которые интересуются историей Сибири.

Введение

Основной материал книги включает фотографии десяти семейных альбомов, сделанных в начале XX века и до 2020-х годов. Под фотографиями мама писала короткие комментарии. Иногда она делала подписи на обратной стороне снимков. Более 100 фотографий лежали у мамы в бумажных пакетах. Эти снимки я разобрал по тематике, вставил в два новых альбома и выполнил подписи.

На снимке в раскрытом виде первый мамин альбом, купленный ею на практике в Ленинграде в 1951 году.

Большинство фотографий в альбомах было сделано моим отцом, Петром Алексеевичем в 50-60-е годы. В эту книгу включены также снимки, которые я делал с 2005 года цифровыми камерами. Кроме фотографий включены рисунки, которые делала мама в молодости, рисунки и картины её мамы (бабы Вари), а также мои рисунки, сделанные в 60-е годы, когда я учился в художественной школе. Разработана схема шести поколений семьи Черданцевых, Бетехтиных, Костеревых и их потомков. В тексте номерная индексация показана надстрочными знаками.

Детство

Моя мама, Людмила Николаевна Черданцева³⁻⁵ (Бетехтина) (1929 – 2018 гг.), родилась 22 июня 1929 года в городе Томске.

Она часто вспоминала начало ВОВ, в тот день, 22 июня 1941 года, мама находилась на отдыхе в пионерском лагере, утром по громкоговорителю всем объявили, что началась война. Лагерь закрыли и детей отправили к родителям.

Мама рассказывала мне, как они жили в Новокузнецке во время войны. Бабушка¹⁻², её сестра¹⁻³ и дедушка¹⁻¹ в то время уже были пенсионерами. Работали только баба Варя²⁻⁹ (в аптеке) и тетя Шура²⁻¹⁰ (в «Заготзерне»). Детей было трое: Анатолий³⁻¹³, Людмила³⁻⁵ и Любовь³⁻¹⁰. У мамы самыми яркими воспоминаниями было то, как семья в войну и послевоенное время питалась. Конечно, у каждого имелась карточка на питание, по которой, в первую очередь, выдавали хлеб.

Какие карточки были и сколько по ним выдавали, мама не помнит. Ей тогда было всего 12 лет. Но карточек было тогда много. Они делились по категориям: для военных, служащих, пенсионеров, детей. Продуктовые карточки также делились по типам продуктов: хлеб, соль, сахар, чай; растительные и животные жиры; мясо и рыба; макароны, макаронные изделия. Были также карточки на картофель, овощи, фрукты и яйца. Также, по специальным карточкам можно было получить одежду, обувь и головные уборы. Были и карточки на промышленные товары: спички, мыло, зубной порошок.

Пример карточек 1941-1947 годов.

Для обеспечения семьи продуктами купили корову, которую, звали Машкой. Мамина бабушка¹⁻² в молодости жила в деревне, поэтому она отвечала за уход над коровой. Дом стоял на окраине города у горы Соколуха. Корову пасли бабушка и её сестра (няня) с детьми. Мама боялась одна ходить на пастбище, потому, что Машка могла убежать, и она не могла бы её удержать. Иногда корову кусали слепни или оводы. Мама рассказывала: «Машка замерла, выпучила глаза и помчалась куда попало».

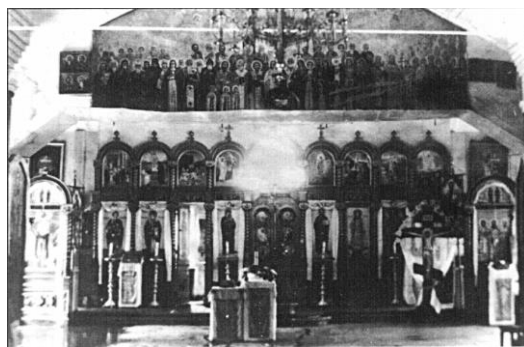
В то время тетя Шура работала на «Заготсене», поэтому могла выписать для коровы сено. Лошадь приходилось выписывать, чтобы привести корм. Другой поддержкой питания семьи был костный бульон, который можно было купить на мясокомбинате завода. Но самым лучшим и вкусным была, как говорила мама, «говяжья кровь». Как я понял, это была кровяная колбаса (кровь с наполнителем жира и муки).

В 30-е и 40-е годы в сарае выращивали поросенка, а в курятнике держали кур. Самым главным из еды был салат из картошки и соленой капусты, заправленный растительным маслом.

Мама в 1932 году (г. Сталинск) и в 1936 году (г. Томск).

Мамины комментарии к левому фото: *Это я и моя милая добрая няня, Александра Павловна Гладилова (сестра моей бабушки¹⁻³). Такой она приехала в Сталинск к сестре в 1932 году, когда монастырь закрыли. Дедушка (мой прадедушка¹⁻¹), встречавший её на вокзале, опоздал к прибытию поезда, и она ушла, не дождавшись его, и заблудилась... Он всю жизнь вспоминал и возмущался, что она его не дождалась и ушла с вокзала.*

Недалеко от маминого дома на улице Транспортной возле железнодорожной линии находилась Михайло-Архангельская церковь. На самом деле, это был обычный дом, который в 1947 году сделали молельным домом. В Новокузнецке этот храм был единственным. Воскресным утром по улице Комсомольской мимо маминого дома с центра города прихожане торопились на утреннюю молитву. Конечно, из нашего дома слышен был колокольный звон. В 50-е годы несколько раз я ходил в церковь с няней (моей двоюродной бабушкой). Помню, когда я заходил с улицы в храм, там было очень темно, и горели свечи. Няня по воскресеньям садилась у церкви и собирала милостыню, которую отдавала на нужды церкви. Кроме того, в алюминиевом бидончике она приносила святую воду из церкви домой.

Сталинск, 50-е годы: *Раньше на заборах вывешивали для сушки перевернутые горшки. Наши бабушки здесь же вешали горшки для цветов. Я решил во дворе, пока никто не видит, сделать колокольню. Взял с забора несколько горшков, просунул в их отверстие в центре дна веревочки. Чтобы веревочки держались, завязал их изнутри к палочкам. Веврки с «колоколами» привязал к горизонтальной палке турника и начал бить по горшкам палкой, изображая колокольный звон. Когда бабушки услышали это, меня долго ругали, поскольку горшки я успел разбить.*

Мама (справа, вверху) и её ближайшие родственники:

Слева: две её двоюродные сестры тетя Лида³⁻¹⁵ Дубинина, которая жила в Свердловске и тетя Валя³⁻¹⁶ Аристова. Она уехала в Питер. В центре: её двоюродный брат, дядя Толя³⁻¹³ Константиновский, он остался в Новокузнецке; внизу справа: тетя Люба³⁻¹⁰ Бетехтина, мамина сестра, которая уехала в Новосибирск. Все они были по возрасту младше мамы и в разное время жили в доме на улице Комсомольской, 28.

Школьные годы

На фото моя мама в школе (г. Сталинск), 1941 г.

Слева: зажим на пионерский галстук, справа: значок «Будь готов к санитарной обороне СССР».

Как рассказывала мамина сестра³⁻¹⁰, школа, в которой училась мама в начальных классах, находилась за железнодорожной линией, рядом с горой Соколухой. Школа имело звучное название: ж. д. школа №91 станции Ново - Кузнецк Т. ж. д. Новосибирской области. К сожалению, адреса школы не осталось. Скорее всего, здание давно снесено. Мама рассказывала, что она всегда была отличницей, поэтому к ней после уроков привязывались мальчишки, которых она боялась. Из-за этого после уроков за ней приходили бабушка или няня.

После начальной школы мама перешла в школу №12, а после войны - в женскую школу №11.

Пионерский пр. 15 (ул. Школьная). Школа №12. Фото 50-х годов.

В старших классах мама училась в центре города в женской гимназии № 11 им. Максима Горького, которая находилась на пр. Коммунаров, 5.

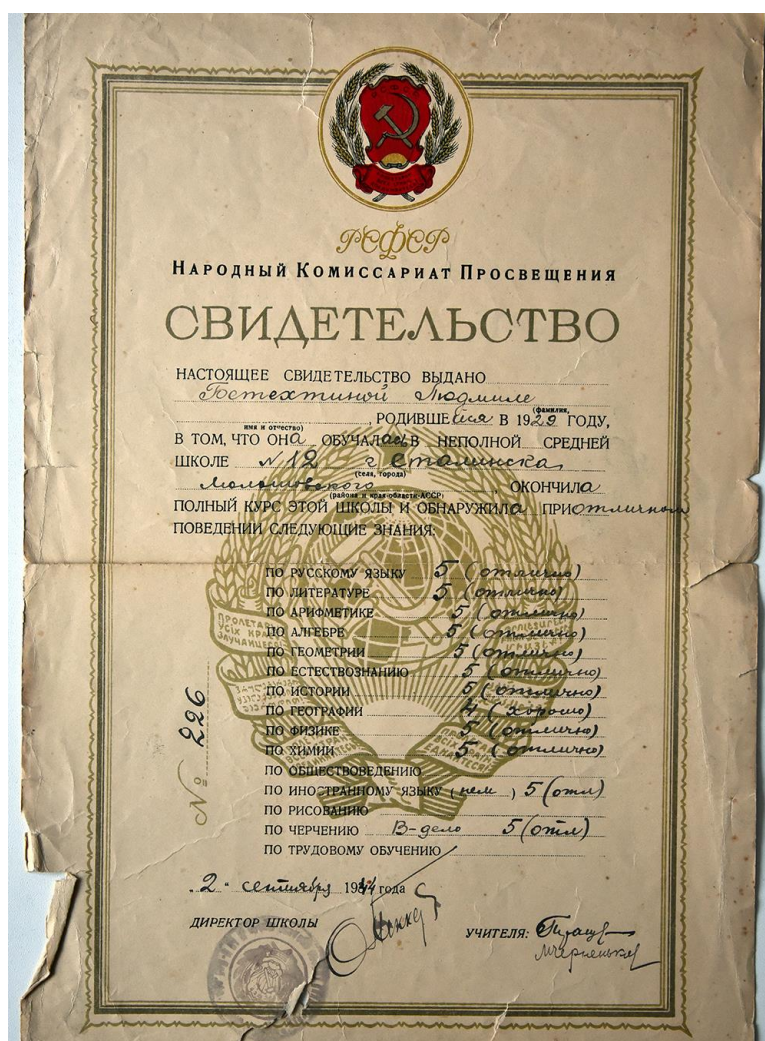

Раздевалка в маминей школе в Сталинске, 30 - 40-е годы. На плакате написано «В Новом учебном году учиться только на «отлично»».

Учителя и ученицы 10 класса школы в г. Сталинске, 1947 год. Мама третья слева в верхнем ряду. Один из мужчин был в школе военруком.

Подружкам мамы тогда были Марина Хрущевская, Эльвира Тунина и Тамара Тараканова. После окончания школы мама с ними долгое время переписывалась.

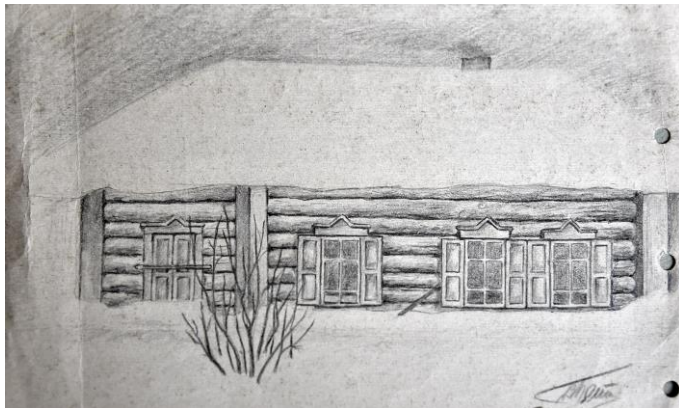
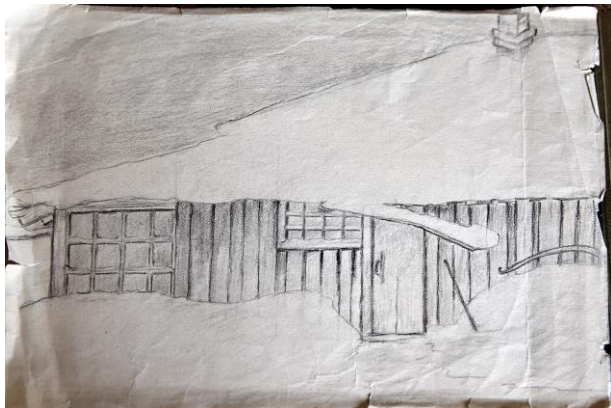
Похвальные грамоты Бетехтиной Людмилы. 1941, 1943 и 1947 годы.

Родители и близкие родственники

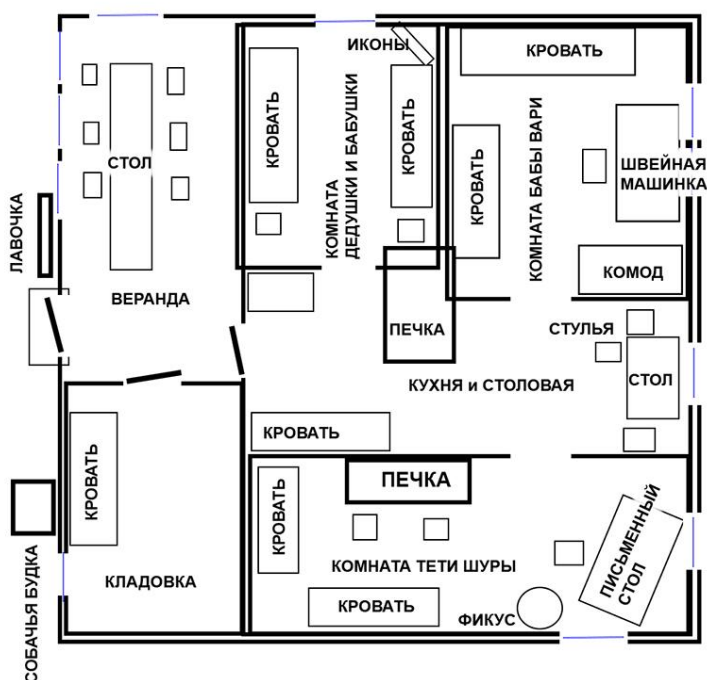

У трамвайного кольца на улице Транспортной, где находилась ближайшая остановка к мамину дому. Новокузнецк, 1970-е годы XX века. Вдали видна гора Соколуха.

Вид арки с натуры над железнодорожной линией. Страница из альбома Варвары Николаевны Костеревой. г. Сталинск. 14 октября 1922 года.

Рисунки из альбома Варвары Николаевны²⁻⁹. Дом семьи Костаревых на ул. Комсомольской, 28 (снесён в 90-е годы). Слева - вход в дом через веранду (со стороны горы Соколуха). Вид дома со стороны улицы Комсомольской, 60-е годы.

Планировка дома на ул. Комсомольской, 28, г. Сталинск (Новокузнецк).

Поскольку в 50-е годы меня по несколько раз в году отправляли жить в Новокузнецк, я хорошо помню обстановку дома, где жили мои дедушка и бабушки. Не сомневаюсь, что также они жили и в военные годы.

В доме была кухня, которая служила кухней, общей комнатой, кухней и гостиной. Напротив входной двери, обитой несколькими слоями войлока, находилось окно, у которого стоял обеденный стол. На нем стояли настольная электрическая и керосиновая лампы. Над столом висел абажур (скорее всего, оранжевого цвета). Слева от окна висело семейное фото в рамке. Справа – большие настенные часы с маятником и гирями (в рабочем состоянии). В центре кухни под половичком находился подпол.

Справа от входной двери стояла кровать, на которой спала зимой сестра моей прабабушки (няня). В конце 60-х годов у двери поставили механический насос, которым так и не смогли пользоваться, воду, как и раньше, носили из колонки.

На моем рисунке 60-х годов показана печка (вид от входной двери).

Из кухни (или гостиной), были три входа (без дверей). Слева был вход в комнату прабабушки и прадедушки. За печкой слева – комната бабы Вари2-9. Справа от входной двери комната тётки Шуры2-10.

Даже в 70-е годы печку использовали для приготовления пищи. Я помню, что в чугунах варили картошку, борщ и кашу. Мои бабушки ловко работали ухватом и пользовались кочергой, чтобы менять кружки. Зимой перед сном открытый огонь тушили, а на печь ставили несколько чугунных утюгов. Были литые утюги и утюг полый, в который можно было закладывать горячие угли. Когда утюги нагревались, их обматывали полотенцами и ложили в постель к ногам для тепла. Кроме этого горячую воду с чугуна наливали в резиновую грелку, которую тоже ложили под ватное одеяло.

На фото 50-х годов тетя Надя Константиновская³⁻¹⁴ у комода в комнате бабы Вари. Из дверного проема видна кровать, на которой спала няня.

В 30-40-е годы в одной из комнат жила баба Варя и её дочери, Люся и Люба. Трудно понять, как три человека могли здесь жить, поскольку комната была по площади не более 10 квадратных метров. В ней располагались две металлические кровати с чугунными спинками и большой комод. На нем стояло зеркало в виде сердца и две высокие узкие стеклянные четырехугольные вазы. Главным украшением комода был литой чугунный олень, лежащий на боку. Под его металлическую подставку баба Варя складывала квитанции и документы. Наверное, у каждой женщины в доме были духи «Кремль». Баба и мама разрешали мне самому снимать стеклянный колпачок и нюхать духи. Комод закрыт был белой кружевной салфеткой. Над ним висела бабина картина «Гладиолусы», написанная маслом и в овальной рамке фото мамы. У двойных окон стояла швейная машинка «Зингер» с ножным приводом. Когда машинку складывали, столик использовали для еды и письма. В возрасте двух – трёх лет я с удовольствием залезал под столик, садился на чугунную подставку и крутил колесо машинки из чугуна с кожаным приводом.

Отец - Бетехтин Николай Сергеевич

На фотографии слева: отец Людмилы Николаевны в форме подпоручика русской армии. На задней стороне фото надпись: *«Горячо любимым родителям от сына, 24 ноября 1916 года»*.

На фото справа: мой дедушка Николай с его первым ребенком, моей мамой.
Фото 1932 года, г. Томск.

Бетехтин Николай Сергеевич²⁻⁸ (1898-1942 гг.) родился в Тобольской губернии. Про его родителей ничего неизвестно. Он окончил в 1916 году юнкерское училище в Санкт – Петербурге и попал в действующую армию.

Мама пишет о своем отце: *«Папа окончил с отличием гимназию, знал греческий и латинский языки; свободно говорил на немецком языке, играл на нескольких музыкальных инструментах, прекрасно пел (баритон). Пел на радио в Сталинской филармонии, работал преподавателем иностранного языка, окончил первый курс медицинского института. В конце жизни работал бухгалтером в аптеке г. Сталинска»*.

На фото 20-30 годов Бетехтин Николай Сергеевич

В Петербурге Петросовет решил уравнивать в правах все боевые чины. Эти изменения фиксировались в Приказе №1 "О демократизации армии", вышедшем 14 марта 1917 года. Изначально он касался только Петроградского гарнизона, но вскоре распространился на всю армию.

С этого момента солдаты в наиболее важных решениях фактически перестали подчиняться офицерам. Теперь решающее слово и всё оружие оставались за солдатскими комитетами, сформированными из нижних чинов.

В то время в российско-германском фронте начались беспорядки. Часть солдат дезертировала, часть, как в случае с моим дедом, оказалась под властью выбранных солдатских комитетов. До этого времени старшие офицеры пытались навести дисциплинарный порядок в части по старым правилам (до расстрела). В результате, все офицеры части, в том числе и мой дед, были разоружены и посажены под стражу (в подвал). На следующий день офицеров вывели на поле, построили, и начали выяснять, кто именно занимался дисциплинарными взысканиями. Все офицеры молчали, тогда депутаты им сказали:

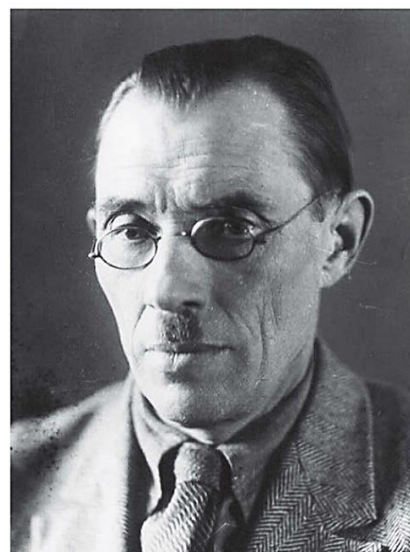
- Раз так, то мы будем расстреливать всех стоящих по очереди, пока не расскажете.

В основном, офицеры были молодыми, например, деду было всего 20 лет. Из строя офицеров вышел самый старший по возрасту и сказал: *«Это я приказал»*. Его куда-то увели, а остальным оторвали погоны и приказали уходить. В то время фронтовая полоса стояла вблизи Петербурга.

Дядя мамы. Бетехтин Александр Сергеевич (брат маминого отца) и его семья

Фото А.С. Бетехтина из фотоальбома: «ТПУ: История в иллюстрациях», Томск, 2016 г.

Бетехтин Александр Сергеевич²⁻⁶ (1888 - 1952 гг.), брат моего дедушки²⁻⁸, родился в д. Шулындина Ишимского уезда Тобольской губернии. Он был профессором на кафедре горной электромеханики Томского политехнического института. С 1908 по 1915 гг. – студент электромеханического отделения Санкт-Петербургского политехнического института. В 1916 г. читал лекции по физике и электротехнике в унтер-офицерском классе минно-подрывной роты. В апреле 1920 г. был мобилизован в Томскую военно-инженерную школу комсостава, где работал преподавателем физики и электротехники. Затем преподавал в Сибирском политехникуме им. Тимирязева, где на горном отделении вел курсы электротехники, механики и горной механики. В январе 1930 г. был приглашен на Горный факультет Сибирского технологического института для чтения лекций по курсу «Подъемные устройства». 14.11.1938 г. приказом директора института Бетехтин был утвержден в должности и. о. профессора. Одновременно был назначен заведующим НИСом института.

Впервые в стране в 30-е годы он начал работу по непосредственному превращению энергии угля в электрическую энергию (угольные аккумуляторные батареи). Александр Сергеевич был очень эрудированным человеком, он хорошо знал специфику своего дела, обладал чувством юмора: эти качества выделяли его из коллег по кафедре. В 1946 году получил Орден Трудового Красного знамени.

Братья Бетехтины выбрали совершенно разные профессии, мой дедушка, Николай, пошел по пути своего отца, который был военным, после революции нельзя было упоминать о его деятельности.

Выпускники горного факультета ТТИ и их преподаватели 1935-1941 гг.
В числе преподавателей указан доцент Бетехтин Александр Сергеевич.

Оля³⁻⁶ (дочь Александра Сергеевича) и
Людмила Бетехтины³⁻⁵.
Фото Бурого Ф. П., г. Томск, 1936 г.

После поступления в университет мама в 1946 году на первом курсе жила в семье своего дяди, на втором курсе она переехала в общежитие на Никитина, в знаменитую «пятихатку». Жenu Александра Сергеевича звали Серафимой Ивановной, а ласково, Симочкой, или Журавушкой. Она была из богатой купеческой семьи, училась в Петербурге в бывшем Институте благородных девиц. В семье были двое детей: Ольга и Сергей, которые были на несколько лет старше Людмилы.

Семья Бетехтиных за праздничным
столом. Томск, первый корпус ТТИ,
40-е годы.

Мамина подпись из альбома:
жених Ольги Юрий Казанский³⁻⁷,
Серафима Ивановна²⁻⁷ жена
Александра Сергеевича (1895-1963 гг.)
сын Сергей Александрович³⁻⁸, жена
Сергея Людмила Арсеньевна
Алексенко³⁻⁹, справа сидит
Александр Сергеевич (мой дядя).
Томск, 1-ый (геологический) корпус
ТПИ на ул. Советской, 1946 год.

Сын, Бетехтин Сергей Александрович³⁻⁸ (1920 - 1954 гг.) - доцент, декан Специального отделения Физического факультета Томского государственного университета. Он был замечательным воспитателем студенческой молодежи. Выдающиеся заслуги Сергея Александровича Бетехтина в создании оригинальных пионерских работ в области прикладной газовой динамики позднее были отмечены утверждением премии имени Бетехтина для молодых ученых отделения, а затем факультета и института Прикладной Математики и Механики за лучшую научно-исследовательскую работу.

Разносторонняя эрудиция, талант ученого сочетались в нём с талантом литератора-стихотворца. Наконец, относительная молодость привлекала к нему студенческую молодёжь. Часто стихи Бетехтина публиковались в стенной газете отделения. Многие сюжеты карикатур были подсказаны им. Газета носила название "Ракета". Это была интересная и острая газета. Бетехтин С.А. был неперенным участником выпусков "Ракеты". Сергей Александрович Бетехтин заведовал спецотделением до своей трагической гибели в 1954 году. Он погиб по неосторожности студентов во время выполнения лабораторной работы. Смерть эта поразила всю студенческую молодёжь. Весь факультет и каждый студент считал своим долгом проводить Бетехтина С.А. в его последний путь.

Бетехтина Ольга Александровна³⁻⁶ (1924 - 2001 гг.) - доктор геолого-минералогических наук. Работала в Томском политехническом институте на кафедре исторической геологии, в СО АН СССР (г. Новосибирск). Замужем за геологом Казанским Юрием Петровичем³⁻⁷ (1926 - 1995 гг.) - работал в ТПИ и СО АН СССР, доктор геолого-минералогических наук.

Мама Людмилы Николаевны, Бетехтина Варвара Николаевна

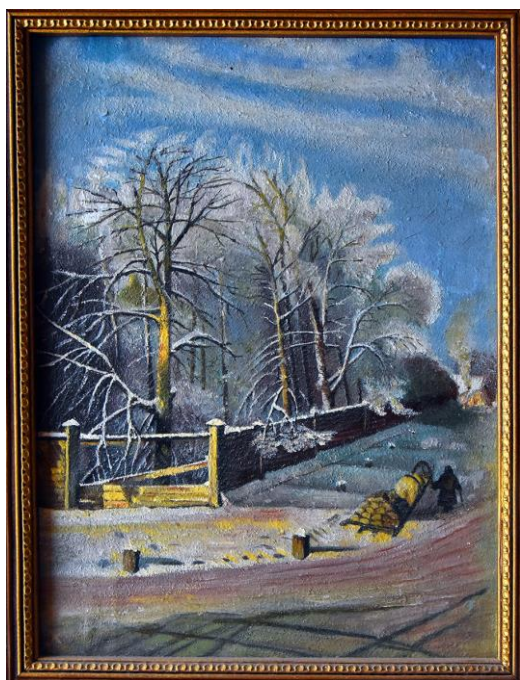

Слева: фотография моей бабушки в 1941 году с дочками Людмилой, моей мамой (справа) и Любой. Бабушка в военном мундире, поскольку в войну она была начальником одной из аптек г. Сталинска. Справа: баба Варя на работе в аптеке, 40-50-е гг.

Моя бабушка, Варвара Николаевна Костерева,²⁻⁹ (1906-1994 гг.) родилась в Ярославской области. О её детстве и школьных годах известно мало. В школе она занималась рисованием, и это увлечение не оставило её до самой старости. Как она мне говорила, она училась рисованию у профессионального художника. Сохранились её карандашные рисунки и акварели. В детстве я видел, как баба Варя занималась живописью. У нее был сделан самодельный мольберт, на столе и табуретке стояли бутылочки с растворителем, небольшая фанерка – палитра для смешивания красок и большое число тюбиков с масляными красками. Даже сейчас запах масляной краски у меня связан с работой моей бабушки. Я не знаю, какой растворитель она использовала. Скорее всего, это было льняное масло или олифа, но не скипидар.

На моем фото 1985 года баба Варя пишет маслом, г. Новокузнецк, ул. Грдины. В это время дом на ул. Комсомольской, 28 снесли. Баба Варя, тетя Шура и их мама, «баба старенькая», получили квартиру на ул. Грдины (рядом с мостом через Томь). Справа на фото моя любимая «бабаВарина» картина (не сохранилась). Масло, 50х50 см.

У нас сохранены несколько работ моей бабушки, выполненных маслом. Копия картины Алексея Саврасова «Зимний пейзаж». Баба Варя её рисовала с почтовой открытки.

У меня сохранились дореволюционные открытки, которые использовали мама и баба Варя для рисования (копирования).

Родители Варвары Николаевны (мои прадед и прабабушка)

На фотографии прадедушка и прабабушка (снимок 1916 года). С. – Петербург. Эти снимки большого формата висели на стене комнаты тети Шуры в доме, где они жили, в г. Сталинске.

Мой прадедущка со стороны мамы, Костерев Николай Михайлович¹⁻¹ (1880-1966), работал до революции приказчиком в Гостином дворе на Невском проспекте в Питере. Я знаю, что отец его был Церковным старостой, а мать содержала маленькую деревенскую лавочку. Жили они, так же как и моя прабабушка, в Ярославской губернии.

Прабабушка, Костерева (Гладилова) Мария Павловна¹⁻² (1886-1972), домохозяйка. Все они были из зажиточных крестьян. Из воспоминаний моей прабабушки: «Юрочка! Как хорошо мы жили до 1917 года. В нашей деревне Рождественской (Ярославская губерния) был один только человек, который выпивал...»

Магазины Гостиного двора в начале XX века в С. – Петербурге.

В семье Костеревых было три дочери: старшая, Варвара Николаевна²⁻⁹, моя родная бабушка (слева на снимке), Александра²⁻¹⁰ (я называл её тетей Шурой) и Трифена²⁻¹² (тетя Неня). Тетя Неня с 1933 по 1938 годы уехала учиться в Томский педагогический институт (ТГПИ). В Сталинске она работала учителем физики и жила отдельно от семьи в общежитии. В нижнем ряду на фотографии прадедущка и прабабушка. Фото начала 30-х годов, г. Самара.

Эта фотография висела в гостиной в деревянной рамке слева от окна (в Сталинске).

После революции Николай Михайлович стал работать кассиром Госбанка. Из Петербурга семья переехала в Юзовку (Донецк), далее в Самару (Куйбышев). Из Самары семья уехала в Томск, а затем в Сталинск (Новокузнецк). Так получилось, что из благоустроенной квартиры,

которая была в Петербурге, семья оказалась в 40-х годах в землянке, правда, ненадолго. Ей выделили участок земли, помогли построить небольшой домик (три комнаты и кухня). В доме проживало шесть человек.

Приезжие на строительстве Кузнецкстроя (Новокузнецк, гора Соколуха), 30-е годы.
В этом месте был построен дом на улице Комсомольской, где жили Костеревы и Бетехтины.

Советская жизнь не прошла для них даром. Снимок П. Черданцева, 50-е годы, г. Новокузнецк.
Дедушка на этой скамейке часто чистил картошку.

Семейные истории о моем прадедушке Николае Михайловиче

Самая неприятная история случилась, когда дедушка работал кассиром (и бухгалтером) в послевоенные годы в управлении шахты г. Сталинска. В тот день рабочие должны были получить зарплату. До приезда инкассаторов деньги лежали в кассе, где находились дедушка и его напарник. Неожиданно напарник предложил дедушке разделить пополам сумму и бежать. Дедушка не согласился, напарник ударил его по виску замком и убежал с деньгами. Дедушка остался лежать на полу без сознания. Он получил тяжелую травму головы, долго болел и не смог больше работать. После удара у него на правом виске на всю жизнь осталась глубокая вмятина.

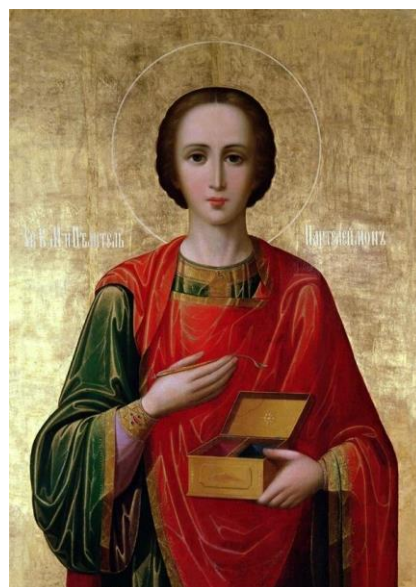
Я, конечно, хорошо помню дедушку. Когда на улице было прохладно, он, обычно, сидел у окна кухни (это была и общая комната) и читал одну и ту же старую книжку. Когда я стал

постарше, и дедушка уже умер, я спросил бабушку, что он читал. Она мне рассказывала: «*Раньше дедушка читал классику, обычно, книги, которые брали из школьной библиотеки его внучки. А потом он постоянно перечитывал двухтомник Костомарова «Русская история». Оканчивает последний том, и снова начинает с первого тома*».

Прадедущка читает моей маме вслух рассказы Тургенева. На стене висит семейный портрет дедушки, бабушки и трёх дочерей в деревянной рамке. 40-50-е годы.

У прабабушки и прадедущки комнатка была очень маленькая с одним окном, выходившим в северную сторону, где росли кусты малины. Справа от окна на угловой полке стояло несколько икон и лампадка. Справа и слева у стен стояли две железные кровати и шкаф. На стене у дедушкиной кровати висел небольшой ковер, в центре ковра висели старинные карманные часы с цепочкой. Такие часы в начале 20 века мужчины носили в жилетном кармане. Мне эти часы трогать было запрещено. Под одной кроватью лежала корзина с куриными яйцами, под другой - корзина с луком.

На фотографии представлена икона *святого* в окладе, которая стояла в «красном углу» комнаты прабабушки и прадедущки. В настоящее время она хранится у Нины К. в г. Новокузнецке. Справа для примера показана икона святого *Пантелеймона* из сети Интернета.

Святой с коробочкой. Добрый врач Пантелеймон

Пантелеймон прославился тем, что лечил людей безвозмездно. На него написали донос врачи, лишившиеся дохода. Тогда император призвал Пантелеймона и просил опровергнуть донос. Святой предложил императору найти одного неизлечимого больного и устроить испытание. Кто исцелит его: он или языческие жрецы. Языческие жрецы не смогли исцелить больного, а Пантелеймон смог. После этого многие уверовали во Христа, а император ожесточился на Пантелеймона и приказал истязать его, а затем бросить с тяжелым камнем в море. Дикие звери, которым он был брошен на растерзание, лизали ему ноги. После истязаний Пантелеймон остался невредим. Тогда Пантелеймона приговорили к усекновению главы.

Эти два тома я сохранил на память о дедушке. К сожалению, на книгах были оторваны титульные страницы. / «Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей». Издавалась в 1911 году в 3-х томах. СПб., «Вестник знания»/.

Дедушкины книжки по истории жизни российских монархов Костомарова.

Старый рубль 1938 года, который мне доставал из кармана гимнастёрки прадедушка.

В два или три года я иной раз забирался к нему на колени и просил что-нибудь почитать. На дедушке летом и зимой была одета плотная гимнастерка с двумя большими карманами, подпоясанная тоненьким кожаным ремешком. Помню, как дедушка из левого кармана доставал несколько бумажек (обычно это были старые дореформенные рубли) и давал мне играть, а баба Варя ругала его за это. Мне тогда было интересно, что старого дедушку она называла папой!

Мой детский рисунок, на котором я рисовал бабу старенькую, мою прабабушку.

На снимке моя мама, прабабушка и я в Сталинске (Новокузнецке).

Фото П.А. Черданцева, 1956 год

Реальная сценка из жизни у бабушки. Чтобы ребенок поел, баба Варя показывала мне игрушку (плюшевого мишку), а тетя Шура рассказывала сказку про трех медведей. Иногда к ним присоединялась моя мама. Слева за столом сидел мой прадедуська и читал историю Костомарова (после нападения на него он плохо слышал). При грозе или сильном ветре у нас «отключался свет».

Рис. Ю. Черданцева

Тогда на столе зажигали керосиновую лампу. Переносных фонариков с батарейками в то время не было, поэтому в других помещениях пользовались свечками. В каждом доме раньше жила кошка, а во дворе в будке «злая собака». Водопровода в доме не было. За водой ходили «на колонку».

г. Сталинск, 50-е годы XX века.

Прабабушка с прадедушкой и четыре их правнука: Юра Большой ⁴⁻¹⁴ и Юра Маленький ⁴⁻⁶ (это я), Сережа и Алёша Саловы ^{4-11, 4-12} (оба трагически погибли в 1973 году).

Фото 60-х годов.

Тетя Шура²⁻¹⁰ читает,
ул. Грдины.
80-е годы.

Про тетю Шуру Константиновскую.
Она имела педагогическое образование,
позднее окончила курсы бухгалтеров и
работала бухгалтером в «Заготсене», затем
в «Заготзерне».

Комментарии мамы к фото об *Александре Николаевне Константиновской* ²⁻¹⁰ (1910-1988 гг.)

Окончила с отличием пединститут, но работать с детьми не смогла, поэтому окончила курсы бухгалтеров. Очень образованный, умный человек, золотые руки, Прекрасно шила, готовила. Очень добрая. Прожила тяжёлую жизнь и была настоящим человеком: гордая и независимая, «золотой человек». Вызывала у людей, знавших её, глубокое уважение. Я безумно её любила. Очень сильный духом человек. Около 20 лет болела стенокардией, последние годы шагу не могла ступить без таблеток, и все-таки она была бодра и говорила «Сейчас пройдет! Я же здоровый человек». И начинала мыть полы или стирать.

Комната в деревянном доме на ул. Комсомольской, 28 у тети Шуры была достаточно большой. Здесь стояли две кровати, печь, которая чадила, поэтому ее никогда не топили, и большой двухтумбовый письменный стол, покрытый дерматином. На столе стоял письменный набор с двумя массивными стеклянными чернильницами, закрытыми медными крышечками, мраморное пресс-папье (промокашка) и большая гипсовая скульптура Македонского. В 40-е годы в комнате жила тетя Шура с сыном Анатолием. На стене висели две большие фотографии родителей трех сестер (бабы Вари, тети Шуры и тети Нени). В 50-е годы под кроватью в чехле лежало охотничье ружье, которое принадлежало дяде Толе. На окне у тети Шуры стояли двух и трёхлитровые стеклянные банки с так называемым живым грибом. На полу комнаты был огромный фикус, не такой маленький, какие держат сейчас.

Хорошо помню первый приезд в Новокузнецк после переезда из деревянного дома в панельный пятиэтажный дом на ул. Грдины. В то время я учился уже в старших классах. Жива была еще «бабушка старенькая». Помню, она включала на кухне кран, из которого лилась в раковину теплая вода и говорила:

- Смотри, Юра, как здорово! Теперь у нас вода сама течет, и горячая, и холодная!

Конечно, после приезда в Сталинск (Новокузнецк) из Питера и Самары, 40 долгих лет они за водой ходили на колонку! И печку нужно было топить каждый день (летом еду варили тоже на печке, поскольку летней кухни у них не было). Только вот жила баба старенькая в благоустроенной квартире недолго.

Логично, что три пожилые женщины должны жить на первом этаже, но это было для них опасно с точки зрения безопасности. В то время подъезды были открыты, на окнах еще не было решеток, как это было позднее, в 90-е годы. Кроме того, в воскресенье мимо них проходила общественная тропа от остановки автобуса к городской барахолке. Желающие выпить по дороге заходили в подъезд и устраивали там застолье. Стучали в дверь и просили дать им пустой стакан или воду, чтобы запить спиртное. Но жили бабушки крайне скромно. По-моему, даже телевизора у них не было. Они говорили, что взять у них нечего. Когда баба Варя осталась одна, единственной ценностью, как она мне сказала, были их три подушки. Из гаджетов у них был будильник, наручные часы и радиоточка на стенке.

Студенчество

После школы (1937 - 1947 гг.) мама поступила в Томский государственный университет на физический факультет. Она родилась в Томске, позже её семья переехала в г. Сталинск (сейчас – Новокузнецк), поэтому ей Томск был знаком. Во время сдачи экзаменов в ТГУ и на первом курсе она жила в семье своего родного дяди²⁻⁶.

История поступления оказалась весьма странной. Дело в том, что перед поездкой в Томск мама решила учиться в медицинском институте, но переменила свое решение, и из вузов предпочла университет. Уже позднее оказалось, или только мне так казалось, мама должна была заниматься литературой. Она любила говорить высоким слогом, в письме употребляла точные эпитеты.

Студенты ТГУ (из одной комнаты общежития) на лабораторной работе по физике (моя мама третья слева). Фото конца 40-х годов

Страничка из альбома, Галя и Люся делают работу по физике. Фото конца 40-х годов.

Запись из маминого альбома: «Каждое утро Галя (Калиниченко) вставала в 6 часов и шла на лыжах на Басандайку. Когда вставали мы, то в столовой нас ждал завтрак: горошница, которую мы любили, Её заказывала Галя. Она обо всех заботилась и всех лечила. Галя была из д. Лукачок Амурской области».

Студенты-физики ТГУ, 1948 г.

Студенты – физики в университетской роще, 30 мая 1949 года.
Мама в огромной широкополой шляпе с широкой лентой, свисавшей с полей.

По воспоминаниям маминой сестры ³⁻¹⁰:

- Люся была намного старше нас (тётя Люба имеет в виду себя, Валью, Лиду и Анатолия). Мы учились в школе, а она была студенткой Томского университета. После сессии Люся приезжала на каникулы и рассказывала нам, как замечательно учиться и жить в благоустроенном общежитии. Кроме того, Люся привозила нам из Томска маленькие подарки: карандаши, блокнотики, значки.

Пятихатка

Как я писал ранее, после поступления в университет мама на первом курсе в 1947 году жила в семье своего дяди, и только на втором курсе переехала в общежитие на ул. Никитина в знаменитую «пятихатку».

Из истории общежития на ул. Никитина, 4

Пятиэтажное общежитие ТГУ на ул. Никитина, 4 было открыто в 1935 году. Оно стало первым многоэтажным домом в Томске. В ходе строительства местные власти передали дом Томскому университету в честь его 50-летия. Завершать строительные работы помогали студенты. Так в ТГУ появилось большое общежитие №1 на 750 человек, где были душевые установки и водопровод. Жильцы получали новое постельное белье, шторы и скатерти, графины и чайники.

Люба, Ира, Нина, Галя и Люся, 2 курс, 1948 г.

Страничка альбома: мама в общежитии. Около 1948 года.

Практика в Ленинграде

На четвертом курсе группу студентов по специальности «Оптика» в августе 1951 года на полтора месяца направили на практику в Государственный оптический институт (ГОИ) имени С. И. Вавилова, г. Ленинград. Всего поехали шесть студентов, включая Люсю Бетехтину. Два дня они жили в частной квартире, позднее переехали в общежитие.

Конечно, северная столица впечатлила сибиряков. Впечатления о поездке в Ленинград отражены в небольшом альбоме, который купила мама во время практики.

Университетская набережная. Там находилось общежитие, где жили на практике студенты университета ТГУ, Ленинград, 50-е годы.

В своём альбоме она пишет:

Может, кто-нибудь, откроет этот альбом и найдет в нем память о давно минувших днях моего пребывания на практике в Ленинграде и фотографии счастливых дней 5-го курса, когда всё началось...1951 год.

Главное здание института оптики.

Институт основан в 1918 году по инициативе известного русского физика Д. С. Рождественского, который был директором и научным руководителем ГОИ до 1932 года. В 1951 году ГОИ присвоено имя С. И. Вавилова.

Мамина подпись карандашом на обороте снимка: «Были в Зимнем (Эрмитаже) 9 августа 1951 г. Самая высокая колонна в мире, вырезанная из целого массива гранита. Красавец Ленинград!»

Мамина подпись карандашом на обороте снимка: «Разве можно по этой жалкой фотографии судить о Невском! Красота Невского не поддается описанию. Судить о нем можно лишь пройдя по нему. Немеешь перед этим великолепием».

Мамина подпись карандашом на обороте снимка:
 «Собор мрачен, торжественен, грандиозен,
 поражает архитектурой. В противоположность сад
 перед ним, а фонтан придает какую-то
 сентиментальность. Картина смягчается и удачно
 комбинируется с великолепным Невским».

Поездка в Петергоф

Скульптур Большого каскада еще нет.
 Мама на снимке вторая слева.

Мама стоит в центре кадра.

Второй раз мама приехала в Ленинград только через 16 лет в 1967 году уже со мной и папой. Мне тогда было 13 лет. Скульптуры Большого каскада уже установили, но музейная экспозиция дворца не работала. В г. Ленинграде мы жили у тети Вали Аристовой³⁻¹⁶ (маминой двоюродной сестры) рядом со станцией метро «Дачное» (тогда это была последняя станция линии метро). Снимки Ленинграда делал отец и я. Фото 1967 года.

Поездки по железной дороге

Для молодежи поездка из одного города в другой была связана с большими трудностями. У жителей, за редким исключением, отсутствовала телефонная связь. Поэтому все вопросы о переезде нужно было решать письмом или телеграммой. В послевоенные годы пассажирского транспорта в городе не было. Студенты от общежития до вокзала должны были идти пешком. В Томске перевести чемодан от вокзала до общежития могли помочь частники с тележкой. Кроме того, в СССР сохранялась карточная система (снята только в декабре 1947 года). Поэтому, нужно было запастись продуктами хотя бы на сутки. В общежитии абитуриентам и студентам давали продуктовые талоны, которые они могли использовать в столовой.

Чтобы поездка не стала слишком удобной, прямого поезда Томск-Сталинск не было. Пассажиры должны были делать пересадку в Тайге, а далее ехать в другом поезде (до конца 60-х годов ездили паровозы, линия до Томска не была электрифицирована).

На вокзальной площади вокзала «Томск-1», 50-60-е годы.

Помню, мама рассказывала, как они ездили на каникулы, когда были студентами в 40-50-е годы. Студенты чаще всего ехали в общем вагоне. На вокзал «Томск-1» приезжали задолго до прихода поезда и занимали очередь у кассы, где стояли уже десятки человек.

За час до прибытия поезда пассажиры, которые стояли впереди, нервно стучали в деревянное окошко. Естественно, окно, где можно было получить справку, не работало, и никто не знал, будут билеты или нет. Часто объявляли, что плацкартные билеты закончились. Основная масса бросалась за общими билетами. Поезд уже стоял, и студенты бежали на перрон (с билетами и без них). Зайти в вагон часто не получалось.

Стоячие места были заняты еще на станции «Томск-2», в купе забивалось по 10 человек. Оставался тамбур, где и размещалась компания пассажиров, стоявших вплотную. Зато можно было покурить. После станции «Тайга» пассажиров вагона становилось меньше, можно было сесть на чемодан (он был почти у каждого пассажира). Так как электропоездов на кемеровской железной дороге еще не было, то весь состав окутывала черная сажа от трубы паровоза.

Старый (1954 г.) и новый (60-е годы) вокзалы в г. Новокузнецке. Эти вокзалы стояли на разных железнодорожных платформах. Был еще маленький каменный вокзал (он сохранился), в котором находился начальник вокзала.

Железная дорога проходила от Томска до станции Тайга, далее через Ленинск в Новокузнецк. На старших курсах мама и папа выезжали в Томск уже вместе, а далее папа сходил на станции Ленинск-Кузнецкий-1. После женитьбы (1952 год) ездили вначале в Ленинск, потом в Новокузнецк. После рождения ребенка, родители оставляли его на месяц в Ленинске, затем в Новокузнецке.

Окончание университета

Окончив в 1952 году физический факультет ТГУ, мама начала работать ассистентом на кафедре физики Томского медицинского института. Так что желание связать свою жизнь с медициной сбылось только частично. Ниже показаны фотографии выпускников физического факультета и встречи выпускников в 60-е и 70-е годы.

Памятные фотографии выпускников физического факультета 1952 года, На них есть мои мама (Бетехтина) и папа.

Сокурсники физического факультета ТГУ, Томск, 60-е годы.

июнь 1952 — июль 1977. 1 ряд. Бабров Вал, Зина Мараева, Влади Геметилев, Игорь Гольдберг, Нина Мадаква, Елена Якубеня, Гали Удальченко.
 2 ряд: Саша Веснин, Лена Буржева, Эдик Фришберг, Ира Подко, Мел Бетехтина, Виктор Калинин, Мак Биб-Борина.
 3 ряд. Саша Ковригин, Виктор Заршин, Вася Голман, Леонард Трайман.
 4 ряд. Пётр Зенделев, Виктор Куликов, Борис Верещаев, Гена Ливановкин, Гринна Шахнович, Мел Искупов.
 Отсутствуют: Николай Волошинский, Олег Зуева, Лена Билко, Лена Шинилова, Дина Конарикина, Вадим Ботарев, Саша Хмычев.

Встреча выпускников физического факультета ТГУ 1952 года.
 Фото 1977 г. Подписи под снимком сделаны моей мамой (Бетехтиной Л.Н.).

Свадьба

Родители встретились не случайно: с 1947 по 1952 годы они учились на одном физическом факультете ТГУ, и часть занятий у них проводилось в совместных лекционных потоках, жили они в одном общежитии. Кроме того, они после сессии ездили вместе по одной Кемеровской железнодорожной дороге. Только Петр выходил из вагона в Ленинске, а Людмила – в Сталинске.

Но студенты на факультете делились на группы физиков, математиков и спектроскопистов (оптиков). Мама относилась к оптикам, а отец – к группе физиков.

Мама мне рассказывала, что физики на факультете были не только самыми умными, но самыми красивыми парнями.

Черданцев Петр Алексеевич родился 15 марта 1926 г. в с. Бердюгино Кемеровской обл. Позднее семья переехала в пос. Барит (сейчас – пос. Урск), затем, в город Ленинск - Кузнецкий.

После окончания учебы (1952 г.) Петр Алексеевич был распределен в ТПИ на физико-технический факультет. Мама начала работать на кафедре физики ТМИ. В этом же году родители зарегистрировались в ЗАГСе г. Сталинска (теперь – г. Новокузнецк), где раньше жила Людмила Николаевна с родителями.

Так выглядело в СССР свидетельство о заключении брака.

На фотографии слева молодая семья: Людмила Николаевна, её мама, Варвара Николаевна²⁻⁹ (моя бабушка) и Петр Алексеевич в Сталинске после регистрации. Свадьбу, как таковую, они не праздновали.

После этого поехали в г. Ленинск. На фотографии справа: моя мама с родителями^{2-4, 2-5} Петра Алексеевича в ограде их дома на улице Нахимова, 1952 год.

Впервые родители отца приехали из Ленинска в Сталинск для знакомства в 1956 году. Слева баба Варя²⁻⁹, дедушка Алексей²⁻⁴, дедушка старенький¹⁻¹ (мой прадедушка), Юра⁴⁻⁶ на руках у бабы Дины⁵⁻², тетя Зоя³⁻¹, тетя Неня²⁻¹², бабушка старенькая²⁻¹² (моя прабабушка).

Жизнь в общежитии ТПИ на Кирова, 4 и рождение сына

Перед моим рождением отцу, который работал в НИИ ядерной физики при ТПУ, дали комнату в общежитии на ул. Кирова, 4. Здесь мы жили до 1956 года.

Общежитие ТПИ на пр. Кирова, 4. Снимок 50-х годов /6/.

На этих фото показана обстановка нашей комнаты в общежитии на Кирова, 4: стулья, буфет, железная кровать и стол. На столе стояла лампа серого цвета с мраморной ножкой и обогреватель - рефлектор. Еще был красивый кувшин и ваза из синего толстого стекла. На стенах висели фотографии в круглых рамках. Дверной проём закрывали очень красивые портьеры с вышивкой (скорее всего, китайского производства).

Фото П.А. Черданцева, 1954 год.

29 января 1954 года у мамы в родильном доме №1 (Ленина, 65) родился сын, которого назвали Юра.

Первое фото, где я с мамой. Справа: рядом с входом в общежитие я на руках у мамы (на мне плюшевый капюшон). Фото П.А. Черданцева, 1954 год.

Работа в мединституте

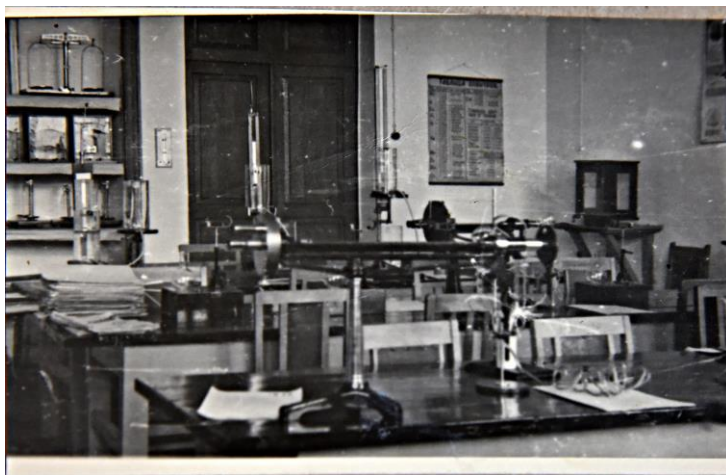
На фото вид анатомического корпуса. Фото 50-60-е годы.

Мама работала в Томском медицинском институте на кафедре физики, которая в то время находилась в анатомическом корпусе. Кафедра занимала часть корпуса с 1932 до 1970 года. Затем она разместилась в биологическом корпусе на ул. Учебной, 39. После прогулки по роще мы заходили к маме на работу. Помню, что мама оставляла меня в «преподавательской» и куда-то уходила, а меня садила за печатную механическую машинку. Мне было это неинтересно,

поскольку я не знал еще ни одной буквы. Я сидел и тихонько ныл, пока лаборанты не вызывали маму с занятий.

Еще она показывала мне подвальные комнаты, где находились патологоанатомические столы с частями человеческих останков. Кстати, в то время в любую комнату был свободный доступ. Честно говоря, меня это зрелище не впечатлило. Столы были точно такие же, как в Громовской бане, а кости были похожи на коричневые палки.

В лаборатории ЦНИЛа (здание, которое стояло рядом с главным корпусом ТМИ) мне понравилось больше. Там были непонятные для меня сложные приборы с горящими лампочками и фотоаппараты, фотопластинки и пленки, которые я видел.

В физической лаборатории кафедры физики в анатомическом корпусе ТМИ, 50-60-е годы.

Сотрудники кафедры физики ТМИ у фонтана (фото слева) и у анатомического корпуса (фото справа). Фото из архива Черданцевых, 50-е годы.

На кафедре физики практически ежемесячно состоялись собрания, на которых сотрудники должны были представлять планы работы. Как правило, мама приходила расстроенной и рассказывала за ужином, что происходило на кафедральном собрании. Обычно это было связано с тем, что она не закончила работы по методичке (описание лабораторной работы).

Еще хуже было, если на кафедре ставились вопросы по работе о научной деятельности. Все сотрудники кафедры, имеющие высшее образование, должны были писать статьи и выступать с докладами на конференциях.

В первые годы работы зав. кафедрой направил Людмилу Николаевну в оптическую лабораторию в ЦНИЛ, расположенную возле клиники медицинского института на Московском тракте. Предполагалось, что пару раз в неделю мама после занятий будет проводить работы на оптическом спектрометре, изучающем биологические объекты. Мама рассказывала, что медики приносили в лабораторию препараты из внутренних органов мыши (или кролика), которого до этого кормили, например, мышьяком, литием или другими элементами. После этого изучали, сколько этого вещества осталась в почках, селезенке, печени и в других органах. В те времена для съемки спектра использовали фотопластинки, поэтому работа была длительной, а точность измерения была низкой.

Первое время маме измерения даже понравились, но постепенно она приходила все реже, а после рождения ребенка вообще перестала заниматься научной деятельностью. В результате, её не стали включать в состав научных публикаций ЦНИЛа, а на кафедре ругали за невыполнение плана по публикациям.

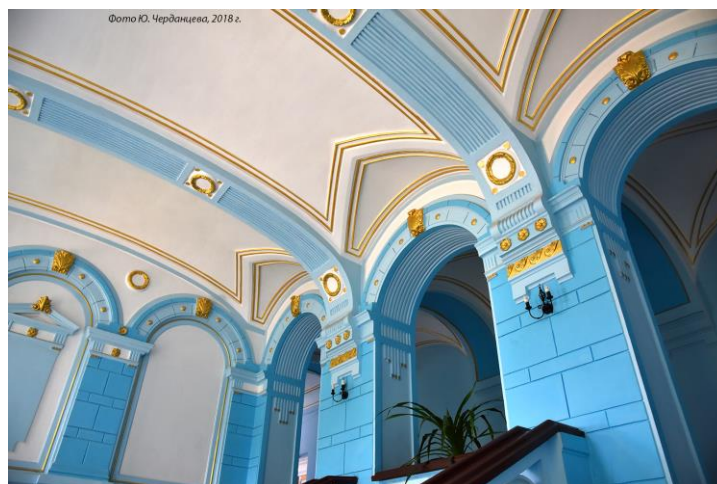
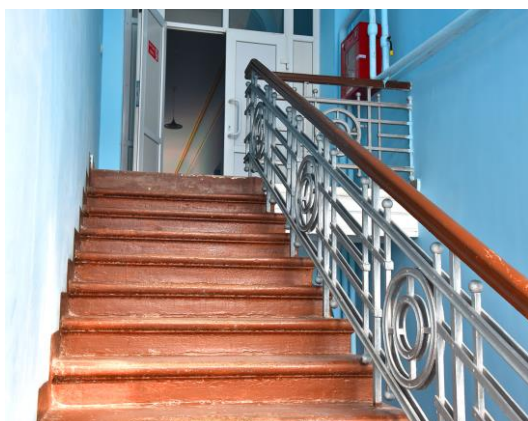
Здание ЦНИЛа, где мама занималась научной деятельностью, Московский тракт, 2.

В начале 2000-х годов здание долго стояло без хозяина, после пожара 2015 года снесено.

1 ряд. Антонов А.Ф. Сердакичева И.Н. (Колпачкова З.И.)
Боровицкая Н.А. (доц.) Архангельская Ольга Вик. (доц.)
2 ряд. Смирнов (кафед. мед.) Колпачкова З.И.
Госцев В.И. (зав. каф.)

Мама на занятиях в оптической лаборатории, 1963 год.

Летом 2018 г. я был в анатомическом корпусе и удивился красоте его интерьеров.

Переезд на новую квартиру на ул. Советской, 104

Как показано выше, семья Черданцевых из трех человек жила в комнате на пр. Кирова, 4. После института мама работала ассистентом на кафедре физики Томского медицинского института, а папа - преподавателем на кафедре №12 физико-технического факультета ТПИ. После сдачи нового четырехэтажного дома «научных сотрудников и преподавателей» на перекрестке пр. Ленина и ул. Учебной у семьи Черданцевых была возможность переехать в квартиру, но с подселением. Они предпочли отдельную квартиру в деревянном доме на перекрестке улиц Советская - Учебная. Здесь мы жили с 1957 по 1963 год.

На снимке: дом для научных работников политехнического института на проспекте имени Тимирязева, сданный в эксплуатацию в текущем году.
Фото Ф. Хитриневича.

Вырезка из газеты «Красное Знамя», 1957 г. о доме для научных работников ТПИ на пр. Тимирязева (пр. Ленина, 17). Слева: дом на ул. Советской, 104 (фото П. Коханенко, 60-е годы), снесен в 90-е годы.

Наши четыре окна были на втором этаже (угловая квартира). Парадная выходила на ул. Учебную и имела две двери, левая дверь вела на первый этаж к соседям. Правая дверь сразу вела на второй этаж. Здесь были расположены три квартиры и общая кухня. Отопление в доме было печное, водопроводная колонка находилась через дорогу (метров в 100 от дома). У каждой семьи была грядка во дворе, сарай и дровяник. Там же находился полуразрушенный каретник (как на ул. Трифонова, 12) и погреб (ледник, оставшийся от старых хозяев) для хранения мяса. В конце участка располагалась деревянная коробка с деревянной крышкой. Это была помойная яма.

Схема квартиры на ул. Советской, 104.
Моя кровать стояла у двери, и я мог издали видеть экран телевизора в гостиной.

Я пришел с прогулки. Интерьер нашей кухни (и прихожей) в доме по ул. Советской, 104, конец 50-х годов прошлого века.

Мама подогревает суп на плитке, стоящей на кухонном столе. Папа читает книгу. В первое время у умывальника раковины не было, поэтому под умывальником стояло жестяное ведро на старой табуретке. Зубы чистили зубным порошком, который продавался в круглых картонных коробках, порошок стоял у раковины, пасту в тюбиках еще не продавали.

Быт нашей семьи в доме на улице Советской, 104

В деревянном доме, где жила наша семья, в “большой” комнате, как мы ее называли, находился буфет, привезенный из общежития, плюшевый диван с откидными валиками, зеркальцем и двумя полочками для слоников. В центре комнаты стоял круглый стол с двумя откидными частями и круглыми массивными ножками. Над столом висел оранжевый абажур. У нас был высокий широколиственный фикус. Эти цветы имелись у многих в то время.

Главным богатством семьи был телевизор «Темп-2» (выпуск 1955 года) в деревянном корпусе. Весил он более 40 кг. Репродуктор (тарелка) с черным бумажным диффузором (образца 40-х годов) висел на стене. Был у нас и патефон в деревянном корпусе, обитом дерматином. Заводить

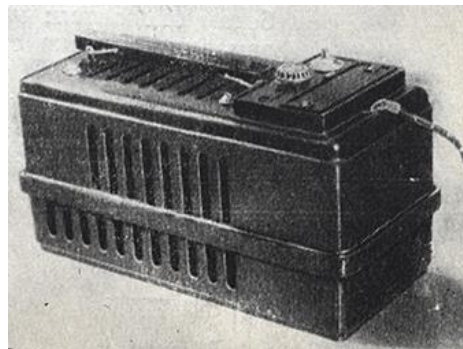
его было моей почётной обязанностью. На углу корпуса крепилась коробочка для железных игл, в которые я любил играть, когда мне разрешали.

Интерьер нашей квартиры на улице Советской, 104 (спальня). На коврике играют я и маленький братик Серёжа. Папа уже защитил кандидатскую диссертацию, пьет чай и готовит лекцию для студентов ТПИ, январь 1962 года. Рисунок сделан в 2018 году.

В спальне стояли две металлические кровати, этажерка, светло-коричневый книжный шкаф из клееной фанеры и массивный комод. На полу лежали полосатые дорожки (переданы в музей п. Кисловка «Мирная игрушка»). В комнате был письменный стол, на котором стояла лампа с зелёным колпаком. Позднее под этой лампой я и Сережа делали уроки до окончания института. Сейчас эта лампа находится у меня в комнате. На полу стоял тяжелый стабилизатор ФР-220 с корпусом из эбонита (фото справа).

На тумбочке стоял радиоприемник «Балтика-52» выпуска 1952 г. (с зелёным глазком) и электропроигрыватель «УП-1». Звукосниматель у него с корундовой иглой, корпус сделан из эбонита (в то время из пластмассы еще не делали). Ходики с маятником никогда не шли (это была детская игрушка «настенные часы - конструктор»). Окна выходили на ул. Учебную (на общежитие ТПИ - бывший военный лазарет с куполом на крыше, ул. Советская, 106).

Наша лампа, комод и стабилизатор ФР-220.

Приготовление пищи

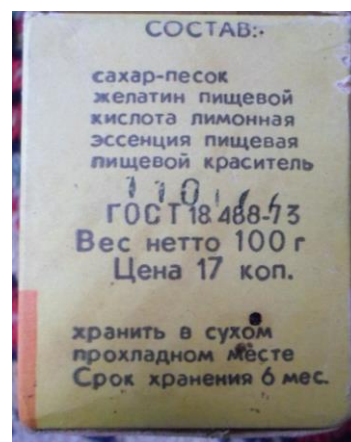
Несмотря на наличии на этаже общей кухни, на которой могли готовить три семьи, никто кухней не пользовался. Иногда здесь для сушки развешивали белье. На печке мама тоже не готовила, и, как в общежитии, использовала маленькую плитку с открытой спиралью.

Электropечь-чудо мама ставила на плитку. В центре нижней части печи было отверстие.

Утром мама делала гречневую кашу из пакета. Брикет гречневой каши называли концентратом. На пачке было написано: брикет размять, налить 0,5 литров воды и варить 15 минут. На обед у нас всегда был суп, щи или борщ, которые стояли не больше трех дней, холодильников тогда не было. А еще у мамы была такая вещь, как печь – чудо, в которой она по праздникам делала вкуснейшие кексы. Для выпечки мама покупала обычно полуфабрикат лимонного кекса в пачках. Наверное, самым лучшим было желе, которое мама иногда делала.

Продавали желе в пакетиках - лимонное, апельсиновое и малиновое. Варила она и кисели, чаще из полуфабрикатов (готовые в пачках).

Брикеты киселей и желе в пачках.

Из «вкусняшек» помню, что к празднику мама всегда готовила хворост. Тесто делала самостоятельно. Нарезанные тонкие полоски бросала на сковороду в кипящее подсолнечное масло. На праздничном столе хворост стоял грудой на большом блюде, его посыпали сахарной пудрой. Мне запомнилось, что пудра стояла на самой высокой полке буфета в красивой цилиндрической картонной банке с картинками.

К празднику мама делала иногда салат из обжаренной моркови с луком и готовой кильки в томате. В качестве холодной закуски были фаршированные яйца под майонезом, которые фаршировались желтком, смешанным с чесноком и маслом. В качестве горячей закуски часто делался куриный бульон с пирожками. Тесто мама ставила сама, начинка была из «осердия»: печень, лёгкое и желудки. К чаю кроме кексов мама пекла так называемый «торт Коркуновой» (соседка, живущая ниже нас). Из теста выпекались коржи, которые соединялись вареньем, сгущенкой.

Больше всего мне нравилось, когда мама жарила пирожки с толченой картошкой. Не часто, но бывало, мама крутила мясо и из фарша жарила котлеты (фарш обязательно из говядины и свинины). Гарниром было картофельное пюре. Прокрутить мясо на мясорубке было проблемно. Ножей для мясорубки у нас было много, но они работали плохо. Приходилось каждые две минуты разбирать мясорубку и вытаскивать оттуда куски немолотого мяса. Позднее, уже в конце 60-х годов папа купил электромясорубку, но крутить мясо она не могла, поскольку работала на диких оборотах (типа кофемолки).

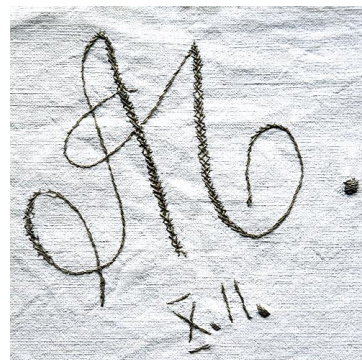
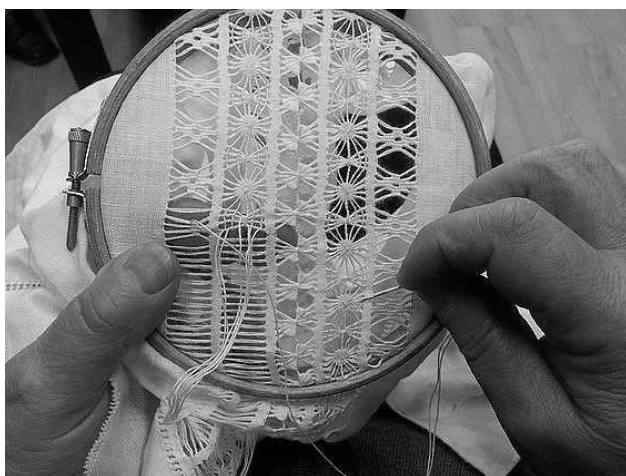
Молодежь не поверит, но пельмени в магазинах Томска в 50-е годы не продавали. Лепили пельмени только к зимним праздникам (морозильников у нас не было). Всегда мама на стол, покрытый клеенкой, насыпала муку и раскатывала большую тонкую лепешку, из которой обратной стороной граненого стакана вырезала корочки для пельменей, а мы с папой закладывали кусочки фарша в корочку и сворачивали пельмень. Первый раз я мог сделать штук пять

пельменей, причем они у меня постоянно разваливались. К школе я мог слепить и два десятка, но я настолько не любил эту деятельность, что постоянно куда-нибудь сбегал, и родители обычно доделывали работу без меня.

Мы с мамой и плюшевым Дружком сидим на плюшевом диване. На спинке дивана салфетка, мережку на ней делала мама.
Фото П.А. Черданцева, 1958 год

В конце 50-х и 60-х годов мама частенько занималась вышивкой. В большой комнате на круглом столе у нее лежала груда ниток разных цветов (мулине), пяльцы, заготовки для салфеток. Она крестиком вышивала розы или другие цветочки. Но чаще всего она делала мережки на салфетках и на маленьких подушечках – думочках. Позднее, уже в старости, мама крестиком вышивала инициалы на простынях и полотенцах.

Работа над мережкой. Вензель, который мама делала для простыни в 2016 году.

Связь с родственниками и друзьями

Есть еще одна тема, которую можно развивать бесконечно, это связь и почтовые сообщения. Почему я об этом пишу? Потому что это непосредственно связано с мамой.

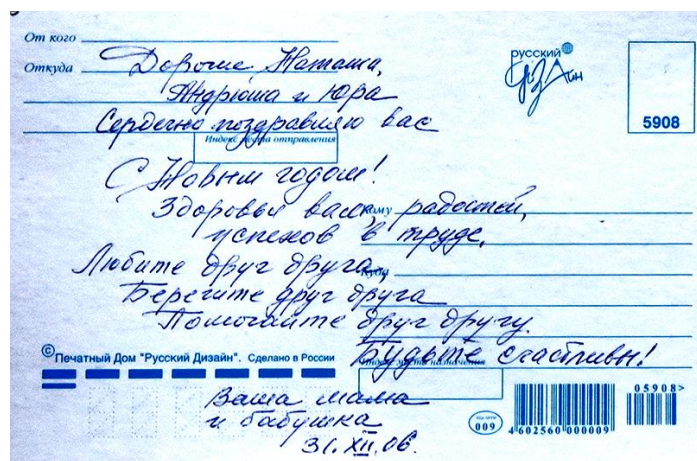
В те давние времена основной связью были письма и поздравительные открытки. А как же, спрашивают, телефон? Расскажу как. У нас и наших близких родственников дома телефонов не было даже в 80-е годы прошлого века. Поэтому говорили по телефону только в экстренных случаях, типа, кто-то заболел или перед тем, как приехать в другой город в гости. Для заказа телефонных переговоров нужно было прийти на почту и отправить телеграмму, чтобы собеседник пришел в определенное время на переговорный пункт.

Абонент, явившийся на переговорный пункт по вызову для разговора, должен предъявить телеграмму телеграфисту. Вызываемый абонент должен явиться для разговора только на тот пункт или к тому телефону, который указан отделом связи в доставленной телеграмме.

Кабинки для телефонных разговоров, 70-е годы

Баба Варя приходила на центральную почту г. Сталинска, а мы с мамой приезжали на центральную почту на ул. Ленина. Иногда с нами ходил и папа. Переговорный пункт находился на втором этаже здания. Кабинок было 10 или 12. Нужно было подойти к окошку и предъявить телеграмму. Тогда тебе говорили: «Ждите...» Обычно ждали 10-15 минут, но бывало, ждали и до часа. Наконец, в зале объявляли: «Новокузнецк, 11 кабина», и мы бежали к нужной кабинке. В 50-е годы телефоны были самые простые и выполнялись из эбонита, они стояли на полочках. В 70-е годы телефоны делали металлическими, как это видно на картинке, и крепились они к стенке кабинок.

Мама написала нам Новогоднее поздравление 1 января 2006 г.

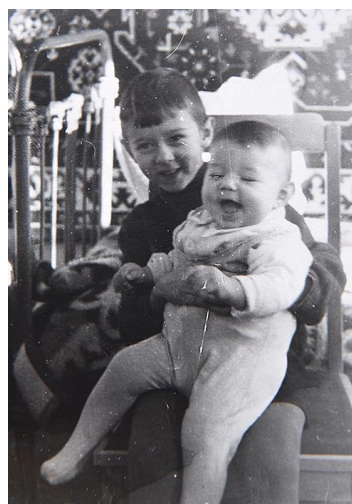
Еще в студенчестве мама переписывалась с родителями и школьными подругами. Чаще всего из одноклассников маме писали Тамара Тараканова (г. Фрунзе), Эльвира Тунина, Марина Хращевская и Галина Брушко. После этого к ней присоединились подруги по институту. С ними у мамы шла активная переписка. К каждому празднику отправлялась поздравительная открытка, а родственникам отправлялись ещё открытки с Днем рождения. Иногда, кроме подробного письма на две полные тетрадные странички, мама вкладывала пару фотографий. Тогда письмо становилось толще, и мама боялась, что такое письмо не дойдет, но все равно, его отправляла.

Напомню, что в 50-х и 60-х годах писали перьевыми ручками, которые окунали в чернильницу. В конце 60-ых и начале 70-ых писали авторучками, и только в конце 70-х появились шариковые ручки.

Рождение второго сына

В апреле 1960 года в семье Черданцевых родился второй ребенок – Сергей⁴⁻⁸. Много времени у родителей занимала работа по хозяйству: зимой нужно было каждый вечер протапливать печку, ходить за водой в колонку, выносить мусор в помойную яму. Наверное, единственным удобством была теплая уборная, пристроенная к дому.

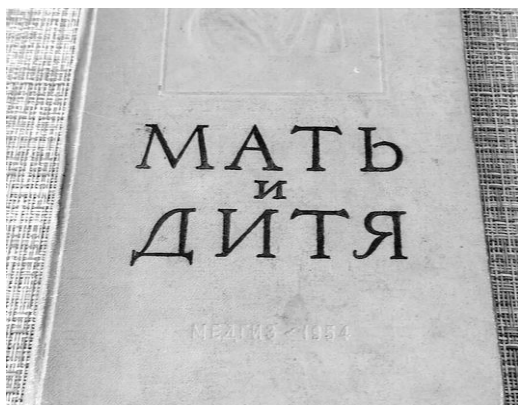
Трудность работы по чистке снега вокруг дома была в том, что во всем многоквартирном доме, кроме отца, жил только один взрослый мужчина (Филиппов).

Мама, Сережа и я на Советской, 1962 г.

До года маленького брата Сергея привезли в Ленинск - Кузнецкий. Слева направо: тетя Лида³⁻² (папина сестра), мама, Сережа⁴⁻⁸ на руках, я⁴⁻⁶, баба Дина²⁻⁵ (папина мама).

Мамина книжка «Мать и дитя», книга молодой матери, 1954 год.

В то время в декрет уходили на один месяц, а время отдыха после рождения ребенка было 42 дня! В 1954 году матерям категорически запрещалась возможность применения искусственных смесей. Написано, что только в капиталистических странах используют искусственное кормление, а это неправильно.

Мама говорила тогда: «Я кормила Юру по всем книжным правилам. Грудь дают каждые четыре часа, и не чаще, чтобы ребенок не переел. Почему он постоянно плакал, я не знаю».

Я имел очень маленький вес, косточки были совсем тонкими, маленькими, я постоянно болел (это называлось хроническим тонзиллитом). Когда меня пытались отдать в ясли или в детсад, воспитательницы говорили, что такого ребенка они принять не смогут в группу: «Мы не уверены, что сможем вернуть его живым».

Мама уже потеряла уверенность в книжных правилах кормления и второго ребенка кормила без них. В результате Сергей в 3 -5 лет был полненьким и здоровым ребенком. Но неделя в детсаду привела его к нервному срыву, который лечили потом два года!

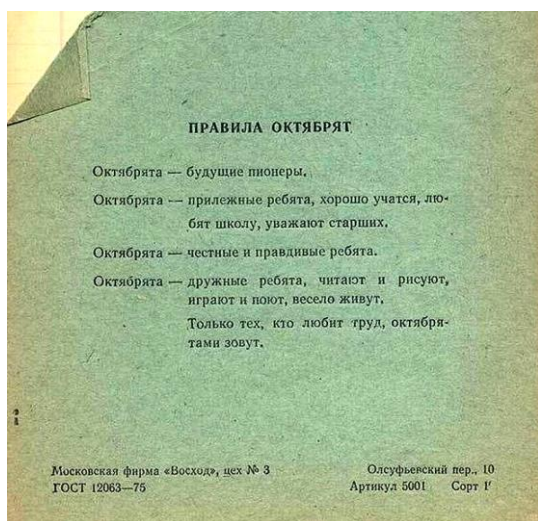
Первый раз в первый класс! Школа №1 на Пирогова

г. Томск. ШКОЛА им. А. С. ПУШКИНА. 1937 г. КРАЙЛИТ №4248. ТИР. 1000. Ц. 25 к. Фото М. ЗИМБЕРШТЕЙН.

В 1961 году я поступил в первый класс школы №1 (на перекрёстке ул. Белинского и ул. Пирогова). Школа размещалась в историческом здании Пироговского начального училища, построенного по проекту архитектора К.К. Лыгина. Кто-то из учеников мне тогда сказал, что это здание старого монастыря. В школе были тёмные переходы и страшные подвалы. Внутри всегда было мрачно и холодно. Когда я учился в начальной школе, я много болел и пропускал занятия.

Ученики носили с собой в школу сменную обувь, мешочек с чернильницей (непроливайкой), портфель или ранец. Учебники выдавали в первые дни учебы, и нужно было их хранить в обложках из бумаги, купленной в магазине. Помню, до пятого класса я сам не мог правильно делать обложки для учебников. И подписывать название учебников у меня тоже плохо получалось. Буквы не ложились ровно, и часть слов выходило за рамки, установленные правилами.

Мама купила мне счётные палочки и сшила разрезную азбуку из ткани. Я читал уже хорошо, поэтому азбука мне не понадобилась. Труднее всего мне было выполнять задание по чистописанию У меня не получались ровными палочки. Мама меня ругала и заставляла переписывать задание по несколько раз.

Новая школа №34 и переход в школу №32 (в смежное здание)

Через год я начал учиться в другой школе № 34 на пр. Ленина, 33. Фото из архива ТОКМ, 50-е годы.

Дом на ул. Пирогова был построен в конце 90-х годов 19 века, предположительно в 1898 г. по проекту известного томского архитектора П. Ф. Федоровского, для профессора-медика Императорского Томского университета Алексея Андреевича Введенского. В подвале были кабинеты для приема и лечения больных, так как Алексей Введенский был не только профессором, но и практикующим врачом. В доме регулярно проводились музыкальные вечера, до 1970-х годов на втором этаже еще стоял старый рояль. Перед революцией с 1915 до 1917 года дом принадлежал купцу 1-гильдии И. Е. Тихонову. Бывшему владельцу в 1920 году выделили квартиру на первом этаже, в которой он жил до 1927 года. С 1917 по 1932 г. в здании располагались Геологический комитет и управление Томско - Алтайского горного округа, а затем начальная школа № 34. В конце 1950-х гг. на втором этаже действовал кинотеатр. В 1965 г. на базе начальной школы № 34 была организована средняя школа № 32. Новая школа №32 была построена (точнее пристроена к старой 34-ой школе) в 1966 году.

«Пироговка» в моих воспоминаниях. Рынок. 50-е годы XX века

Перекресток пр. Ленина – ул. Пирогова. Вдали – дом на пр. Ленина, 24. Справа – школа №34. На рисунке видно окно на втором этаже. Это окно нашего класса 1-А. После реконструкции школы (в 1965 году) наш 4-А класс на первом этаже стал коридором, соединяющим старое и новое здания. В подвальных помещениях старой школы жили служащие (на рисунке виден вход). Там же в подвале был гардероб. На Пироговке был рынок, где мы покупали овощи, а на месте новой школы стоял двухэтажный деревянный жилой дом, в котором работал овощной магазин.

Очередь за хлебом в Томске в 1962 году

Булочная была в магазине на перекрестке пр. Ленина – ул. Учебная. Продавали на одного человека булку хлеба и батон (без документов и талонов).

В 60-е годы XX века начались перебои с продажей хлебобулочных изделий. Помню, как меня взяли покупать хлеб в магазине «Колокольчик» на перекрестке пр. Ленина – ул. Учебная. Талонов не давали, но можно было взять только две булки хлеба или одну булку и батон. Рассказываю, как это было, поскольку был уже большенький, в 1-ом или во 2-ом классе.

Обычно собирались женщины с нашего дома на улице Советской, 104, мама или одна из двух наших соседок по этажу (Ольга Лукинична или Болтовская). Одна из соседок шла занимать очередь. Для этого нужно было обязательно сказать очередникам, что перед ней стоит женщина с ребенком! Иначе могут не пустить, и тогда возможен маленький скандалчик. Когда

нужно было идти и вставать в очередь, меня собирали «на улицу». Иногда с собой брали для поддержки и маленького братика Сережу (ему был всего годик).

Деревянный двухэтажный дом на перекрёстке пр. Ленина и ул. Учебной сегодня мало изменился, только в нём вставили пластиковые рамы вместо деревянных, а также вместо одной парадной лестницы сделали две боковые. В то время мы не знали, что это был дом купца Егорова, о котором было написано в книге «Томские трущобы». Мы называли его «хлебный магазин на Учебной», или «Колокольчик».

Подходим с мамой по дороге к перекрёстку и видим у крыльца, у высокой лестницы человек двадцать-тридцать ожидающих. Значит, хлеб еще есть, и, как говорила мама: «Народу немного». Из очереди выскакивает наша соседка и говорит, что она уже беспокоится. Теперь нужно подойти к двери, что не совсем просто, и найти в очереди своих соседей. Наконец, и эти дела улажены и можно ожидать, когда откроется дверь, и выйдут покупатели с булками хлеба. После этого продавщица может запустить еще партию новых покупателей. Ситуация похожа на ту, которая была тогда, когда велась борьба с выпивкой в 80-годы или на ту, когда на западе в пандемию можно было входить в магазин группами в несколько человек (при продаже спиртного деревянную лестницу разломали бы). И вот этот сказочный миг настал! Нас, слегка подавленных, пропускают в магазин.

Интерьер магазина был простым: деревянный пол, белые беленые стены, высокий потолок, за прилавком весы и заветные булки. Запах такой, что можно вечно стоять и вдыхать, наверное, продавцы могут от одного этого запаха быть сытыми. Мне дают в охапку теплый батон, но я хочу горбушку белого хлеба. Иду к дому и потихонечку, как все дети, обкусываю часть горбушки, получаю выговор от старших, но они тоже не очень ругаются. Все - таки на три дня хлебом мы запаслись. Есть картошка, крупы, молоко и кости для супа. Жизнь удалась!

Переезд в новую квартиру на ул. Учебную, 23а

на кухне пахло газом.

В 1963 г. наша семья из четырех человек получила квартиру в новом панельном благоустроенном доме по ул. Учебной, 23а на пятом этаже. Это была хрущевка: две проходные комнаты (28 кв. м.), совмещенный санузел и кухня 5 кв. м. На кухне размещались печка (буржуйка) и газовая плита. В этой квартире было много плюсов: вода, отопление, замечательный вид на Томь (от нашего дома до реки не было других домов выше двух этажей). Были и минусы: жара и зимой, и летом; слышно каждое слово соседей; каждый день нужно было выносить мусор в 19-00;

Наш дом был интересен тем, что, во-первых, это был первый хрущёвский панельный дом в городе; во-вторых, в доме жило много профессоров томских вузов. На нашей лестничной площадке жили академик Г.А. Месяц и проф. В.А. Кочегуров, в доме жил директор НИИ ВН проф. В.С. Колесников, семья Чеглаковых и ряд других известных в городе ученых.

В соседнем доме («Колокольчике») на углу был магазин «Хлеб» (дверь за высоким крыльцом). На фотографии 2013 года показаны подъезды нашего бывшего дома. Мне было уже 7 лет, и я видел дом перед заселением. Еще остались толстые столбы ограды вокруг дома и

широкие ворота, в которые заезжали грузовики к подъездам. Дом, как это было принято, строили заключенные. Перед стройкой территорию окружали столбами с колючей проволокой. Говорят, что постройка заняла всего три месяца!

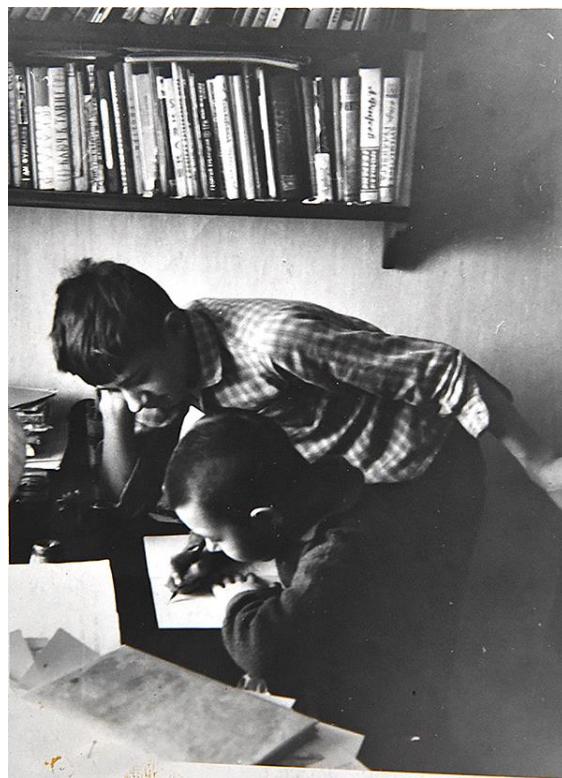
Фото Ю. Черданцева

Мама, папа и младший брат Сережа у новогодней ёлки, первый мой фотоаппарат «Смена-6», 1963 год.

Конь из папье-маше по наследству перешел моему брату Сергею. Видно, что от жары батареи закрыты одеялом. В проходной комнате виден письменный стол, на котором стоит гипсовая фигура Александра Македонского. Скульптура привезена из Новокузнецка. Папа лекции писал не за столом, а сидя в кресле. Обычно на краю стола стоял стакан чая в серебряном подстаканнике. В чай отец клал кусочек лимона.

На фото справа Сергей учит уроки за нашим общим письменным столом. Сергей в 1967 году пошел в первый класс уже в новой перестроенной школы №32.

На картине В. А. Акиншина «Старый Новый год» ёлка стоит в том же месте, где устанавливали её мы 60 лет назад (хрущевка).

Расскажу об одном из Новогодних праздником. Вечером 31 декабря, когда мама готовила ужин к Новому году, я увидел, что папа взял мамину шубу и закрылся в ванной. Я маму спрашиваю: «Что папа там делает?» Она мне отвечает: «Он хочет сделать нам на праздник сюрприз».

Минут через тридцать раздается звонок в дверь. Мама театральным голосом кричит нам с Сережей из дальней комнаты: «Петя, кто это к нам звонит? Мы никого не ждали! Кто же это пришел? Не знаю, кто это?»

Мы с Сергеем выглядываем из спальни и видим высокого человека в короткой для него (маминой) шубе. На нем была плоская белая маска, похожая на маску хоккейного вратаря, а в руках он держал белый мешок. Человек остановился и начал что-то говорить, но через маску ничего не было слышно.

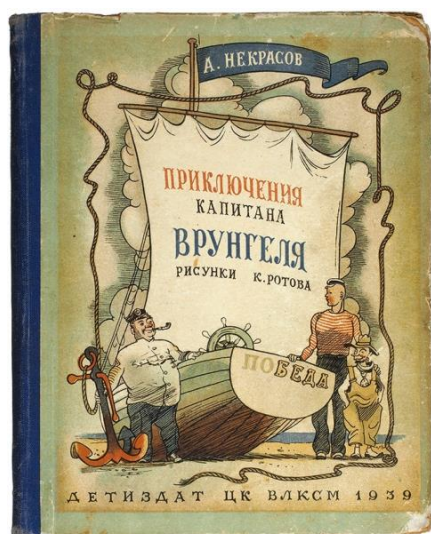
Надо сказать, что последнее время детям рассказывали, что ни в коем случае нельзя открывать дверь незнакомцам, потому что к вам могут прийти цыгане, спрячут в мешок и утащат к себе.

Я посмотрел на брата, а он лицом побелел, смотрит, не мигая на человека в маске и бормочет: «Ой, боюсь. Ой, боюсь. Ой, боюсь».

Мама сразу маску с папы убрала. Сережа, - говорит, - да это же наш папа. Ты что, его не узнал?

С трудом его убедили, что это не цыган с мешком. Но праздник был испорчен.

Юра пошел в художественную школу № 1 города Томска, 1965 - 67 гг.

Мама пришла с работы и рассказала нам, что в городе открылась первая детская художественная школа.

- К сожалению, - сказала она, - для поступления нужны рисунки ребенка, а сдать работы нужно уже завтра, потому, что это последний срок.

Я ей говорю: «За день я ничего не успею нарисовать».

- Так давай работы, которые у тебя есть.

Я последние дни копировал иллюстрации из старой книги Андрея Некрасова «Приключения капитана Врунгеля». Мы тогда не знали, что книги убрали из библиотек после ареста художника Константина Ротова в 1940 году (был реабилитирован в 1954 году)

Я дал маме все работы, которые успел сделать, и она унесла их в конкурсную комиссию. Через неделю мы поехали в клуб ГРЭС-2, где родители с детьми ждали результатов приема. Помню, зал клуба был заполнен до отказа. Как я и ожидал, меня приняли учиться в школу.

В 13 лет я начал ходить 3 раза в неделю в Детскую художественную школу. Это школа была первой в Томске. Всего набрали один класс, в котором обучались 20 человек. Было два преподавателя. Школа находилась в клубе ГРЭС-2 на улице Енисейской, 36. Здесь я учился один год. После этого школа переехала на проспект Ленина и стала называться Детской художественной школой № 1.

На елочном базаре, на Московском тракте елочки были жидкими, и нам пришлось купить две штуки и соединить их вместе. Через два или три года перед нашим домом построили хрущевку и закрыли нам вид на Томь. Справа: натюрморт с осенними листьями (стоял до января). Мои акварели 60-х годов.

«Мама спит, она устала». Мой рисунок 1967 года.

Семейная библиотека Черданцевых

Первые книги в семье появились еще в общежитии на ул. Кирова, 4. Тогда это были учебники физики и справочники по математике. Позднее, когда Петр Алексеевич начал работу над кандидатской диссертацией, появились книги по квантовой механике, ускорителям и движению частиц по магнитным и электрическим полям. При работе над докторской диссертацией библиотека отца пополнилась книгами по ядерной физике и теории поля.

При рождении детей в библиотеке появились детские книги. Это книжки издательства «Детгиз» и «Детская литература». Нужно не забыть 12 томов «Детской энциклопедии» 1965 года, 12 томов «Библиотеки пионера», 1961-1964 гг. Распространялись эти собрания сочинений только по подписке. У меня и сегодня сохранилось несколько детских книжек, купленных родителями в 50-е годы.

В те времена об интернете еще не слышали, поэтому информацию искали из справочной литературы. Родители покупали «Краткую энциклопедию домашнего хозяйства», «Кулинарию», «Популярную медицинскую энциклопедию», «Мать и дитя» и подобные им справочники 50-60 годов.

Альбомы и художественная литература из библиотеки Черданцевых в 50 – 70 годы.

С 50-х годов родители стали покупать художественные альбомы известных художников, их репродукции и открытки. Это были альбомы иностранных и русских художников В. Перова, И. Шишкина, И. Репина, В. Серова, большие коробки с репродукциями иностранных художников, четыре альбома Херлуфа Бидструпа, альбом «Русское искусство XV – XX годов из фонда Государственного Русского музея».

Людмила Николаевна у книжных полок нашей квартиры на ул. Учебной, 3/2, 2000 г.

Художественная литература родительской библиотеки была большой. Родители стояли в очередь, чтобы записаться на покупку книг из собраний классиков мировой литературы. В 50-60-е годы купить собрание классиков (кроме Ленина и Сталина) для обычного человека было

очень трудно. Проще всего было приобрести собрания сочинений Толстого, Твардовского, Лермонтова, Куприна, Достоевского или Пушкина (хотя в постоянной продаже этих книг, как правило, не оставалось). Но хотелось в первую очередь зарубежных писателей: Лондона, Диккенса, Мопассана, Драйзера, Бальзака. Для того, кто покупал такие книги, необходимо было найти время, когда в подписном отделе книжного магазина на ул. Батенькова (там висел листок о времени продажи) будут продавать эти книги. В магазине уже до рассвета стояла очередь желающих купить книги. Часто покупатели сами составляли список фамилий людей, стоящих в очереди.

Библиотека родителей составляла около 2000 томов. Особенно наглядно это количество проявилось, когда нужно было перевезти книги в новую квартиру в 1973 году. В то время не принято было нанимать грузчиков, книги помогли перенести (с пятого этажа одного дома до четвертого этажа другого) десять молодых сотрудников лаборатории НИИ ЯФ! Библиотека была главным богатством семьи. Книги, включая художественные издания, родители считали основой воспитания ребенка.

В середине 80-90-х годов вместо книг родители читали газеты и журналы. В то время из газет была популярна «Литературная газета» и «АиФ /Аргументы и факты/». Из журналов родители выписывали «Огонек», «Новый мир», «Юность», «Наука и жизнь», «Крокодил», «Вокруг света». Конечно, как всегда, выписывали томское «Красное знамя».

Подпиской занимался всегда отец. Когда его не стало, мама только перечитывала сотни журналов, которые накопились за десять лет.

Переезд на новую квартиру на ул. Учебной, 3/2

В новую квартиру мы переехали в 1973 году. В это время я учился на 2-м курсе ФТФ ТПУ. Дом был панельный. Квартира была четырехкомнатная, 44 квадратных метра, в квартире были две проходные комнаты. Размер кухни 5 кв. м. Центральный зал стал родительской спальней. Через нее выходила маленькая комната, в которой отец работал. Мы называли ее «папиным кабинетом». В другой, угловой комнате, спал я. К сожалению, панель в этой комнате была бракованной, трещина была видна даже с улицы. Зимой на стене появлялась влага, поэтому мне пришлось стенку комнаты уплотнить листами фанеры. Между стенкой и фанерой я набил толстый слой старых журналов, матрац и другую рухлядь. Между прочим, тепло-влага-защита сработала, и стенка стала теплой!

В начале мы с братом занимали комнату в центре квартиры, но когда у Сергея появилась овчарка по кличке Майк, я начал ночью просыпаться.

Так выглядел в СССР ордер на получение квартиры. Справа – вид нашего дома.

Фото из нашего окна. Соседний дом - двойник нашего дома. На фото справа двухэтажное здание, в котором располагалась почта. Здесь она находится до сих пор.

Переезд кафедры физики в биологический корпус на ул. Учебной

В сентябре 1975 года кафедра физики, где мама работала с 1952 года переехала в новый биологический корпус на улице Учебной, 39. Уволилась с кафедры физики ТМИ мама в 1996 году.

Биологический корпус ТМИ, 1971 год

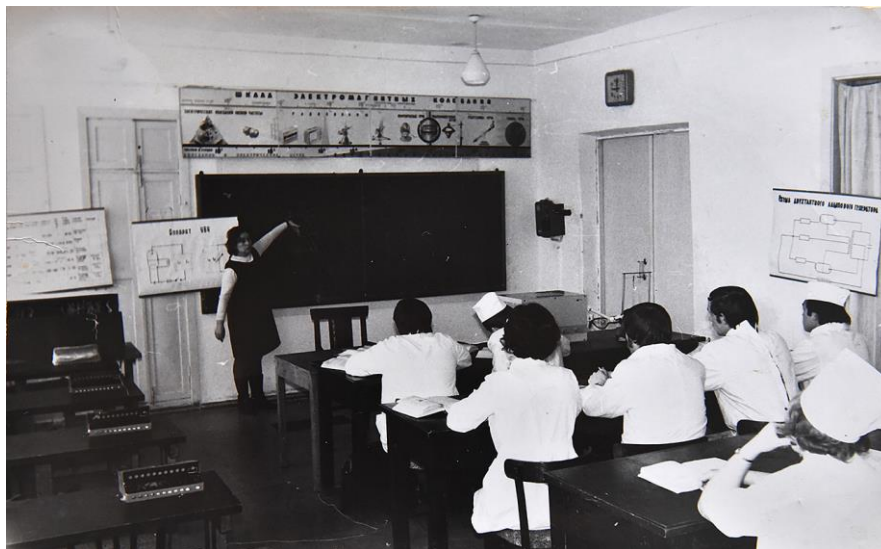
Сотрудники кафедры физики ТМИ на прогулке, 70-е годы, Лагерный сад.

Кафедральное собрание на кафедре физики ТМИ, Учебная, 70-е годы

На субботнике по уборке снега, 1974 год. На занятии, 1978 год.

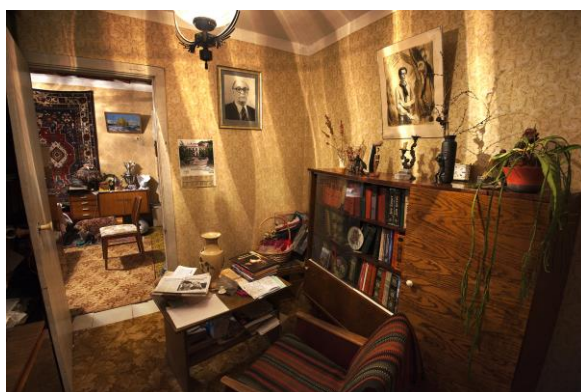
Черданцева Л.Н. ведет практическое занятие по физике, 1977 год.

Интересные уголки нашей квартиры на ул. Учебной, 3/2

Некоторые вещи (50-х – 70-х годов) перевезены из наших старых квартир (и даже из общежития).

Вещи, которые были на серванте, книжном шкафу и буфете, стояли только для красоты (чашки и тарелки только для великих праздников). Например, часы не шли, барометр не работал. Самовар купили в 60-е годы и включали всего раза два. После этого сторел тэн, а сменных новых нагревателей не продавали. Нержавеющий чайник и кофейник никогда не использовали.

Папин кабинет. Кресло, где когда-то работал отец. Справа - мягкие кресла в большой комнате. Мои снимки 2012 года.

На день рождения маме зачем-то купили ведро для охлаждения шампанского. Слева: набор серебряных ложек и папина чайная ложка.

Когда отец был в командировке в Прибалтике (70-е годы), он купил декоративный набор для специй и янтарные украшения. Соль и перец из дырочек не сыпались.

Последний раздел моей рукописи...

У могилы Петра Алексеевича (15.03.1926 - 26.08.94) и Людмилы Николаевны (22.06.1929 - 10.08.2018 г.), г. Томск, п. Бактин, сентябрь 2019 года.

